

МОДАЛЬНЫЙ ЗАЧИН КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
КОМПОНЕНТ ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ
(на материале речи В. Вильсона)

Любая речь содержит определенную информацию, которую оратор старается довести до сознания слушателей. И только когда исходящая от оратора информация оказывается более интересной, нужной для слушателя, она и интересами. Вот почему оратору очень важно знать привлекает его внимание. Однако внимание человека к воспринимаемой информации, знанию определяется не только самой информацией и знанием, но и тем, какое *отношение* они вызывают: важны ли они для данного индивидуума, связаны ли они с его актуальными потребностями потребности и интересы своей аудитории. Но, как справедливо указывает Б.Ф.Поршневу, "в конечном счете внушить людям можно только то, что соответствует направлению их потребностей и интересов, их убеждению и воле" [7, 147].

Среди различных потребностей есть потребности прирожденные, иначе говоря, безусловные рефлексы и инстинкты. То, что касается инстинктов, обычно воспринимается людьми с вниманием и интересом, так как человек прежде всего стремится удовлетворить свои безусловные рефлексы, потребности в еде, одежде, жилище, любви и т.д. Учитывая психологическое влияние информации на инстинкты, аргументирующий субъект, особенно при освещении важных проблем в частности для оправдания тех или иных акций, апеллирует именно к инстинктам слушателей, что и вызывает у них одобрение, поддержку в связи с неизбежностью конфликта, или той или иной проводимой военной операции в данном регионе.

Примечательна, с этой точки зрения, речь президента В. Вильсона (2 апр. 1917 г.), при объявлении войны Имперской Германии, где приводятся веские аргументы в пользу неизбежности вовлечения США в войну, хотя на протяжении всей речи ни разу не вербализуется интенция автора объявить войну. "Авторский голос", вербально

выраженный в предполагаемом предложении: "*I declare war on the German Empire*", оказывается за пределами текста речи. М. М. Бахтин даже предполагает, что авторский голос вообще "не реализуется в слове" [3, 289]. Тем не менее, анализ текста речи Вильсона позволяет утверждать, что, хотя и будучи вербально не выраженным, голос автора, призывающий к войне, косвенно "звучит" в тексте.

Прежде всего важно отметить, что в данной речи наблюдается косвенное апеллирование к инстинктам слушателей, а именно к защите прав и свобод человека, что представляется жизненно важным, так как обеспечение всех остальных потребностей человека непосредственно вытекает из них.

Речь В. Вильсона организована таким образом, что для успешности своей аргументации автор прибегает к двум основным инстинктам своих слушателей – к инстинкту самосохранения и к инстинкту сохранения личных прав. Средством достижения успешной аргументации становится апеллирование авторской субъективной модальностью, т.е. его эмоционально-личностным отношением к описываемым им событиям. Данный текст обращения к Конгрессу модально окрашен с помощью психологических приемов и уловок, применяемых автором, с целью найти поддержку и одобрение конгрессменов в принятии определенного решения. Автор, прямо не называя предмет своего выступления, пытается с помощью актуализации определенных языковых средств передать свое личностное отношение к проблеме, вовлекая свою аудиторию в систему собственных убеждений и заставляя ее самой принять то решение, к которому он уже предварительно пришел.

В плане модальной окрашенности примечателен зачин данной речи, в котором вводятся параметры авторского отношения к предлагаемой им информации. Затем происходит "развертывание" модальности, в ходе которого расставляются эмоциональные акценты. Иными словами, постепенное накопление субъективно-оценочных значений модальности осуществляется в процессе раскрытия их эмоционального содержания. "Модальный зачин – это базисная информация об авторской модальности, тональность которой "подхва-

тывается" последующими отрезками текста и развертывается в них" [6, 103-112]. Как правило, модальный зачин используется в первом предложении или абзаце.

Зачин речи Вильсона уже предполагает серьезность и неотложность вопроса, который еще предстоит обсудить и как бы готовит слушателя к тому, что предстоящая информация исключительной важности и серьезности. Авторская модальность, рассчитанная на ожидаемый результат и верное истолкование со стороны адресата, выявляется буквально в первом предложении, которое может считаться классическим примером первого этапа элементарной модели зачина, предложенной Н. Д. Арутюновой в книге "Предложение и его смысл" [1, 359]. Согласно этой модели на первом этапе зачина экзистенциональное предложение, утверждающее существование предмета (лица), о котором пойдет, речь открывает текст. Однако в речи Вильсона второй этап "элементарной модели", когда "введенный в бытие" предмет получает наименование (в данном случае, *immediately made choices – declaration of war*), вербально отсутствует. Он остается за пределами текста и волей автора перемещается в подсознание его адресата, который и призывается к непосредственному соучастию не только в диалоге с самим автором речи, но и в решении поставленной им проблемы. В данном случае автор фактически пытается объективизировать свою субъективную модальность, "навязывая" аудитории собственное решение проблемы.

I have called the Congress into extraordinary session because there are serious, very serious choices of policy to be made, and made immediately, which it was neither right nor constitutionally permissible that I should assume the responsibility of making.

Отношение автора к описываемому им явлению выявляется средствами модального зачина, а именно актуализацией тех языковых элементов, которые помогают ему передать свое личное видение обсуждаемой проблемы.

Таким образом, текст речи Вильсона открывается декларацией о существовании предмета, в данном случае проблемы, о которой пойдет речь в самом выступлении. В роли данного предмета выступает

существительное choices, которое в окружении подобранных автором прилагательных приобретает ту модальную окраску, к которой автор стремится буквально с первых слов своего выступления. На первый взгляд использование таких нейтрально значимых прилагательных как serious и very не должно придавать речи особую эмоциональную окраску, однако их использование в пределах расширенного повтора выводит их на уровень тех речевых единиц, которые с дополнительными и уточняющими нюансами усиливают весь эмоциональный смысл и накал последующего аргументативного дискурса.

Первое оценочное словосочетание extraordinary session, настораживая слушателя, пресуппонирует атмосферу чрезвычайности и фактически является фундаментом, позволяющим конструирование каркаса настоящего модального зачина. Далее подача модально окрашенной информации организована по принципу "цепочки": одно суждение вытекает из другого. Однако модальную окраску всему этому придают не специально подобранные автором слова, эпитеты и т.д., а эмфатический синтаксический строй сложноподчиненного предложения с тремя придаточными предложениями, в которых автор путем умелой расстановки единиц обеспечивает модальность своего зачина: 1. обстоятельственным придаточным предложением причины **because there are serious, very serious choices of policy to be made, and made immediately**; 2. придаточным определительным предложением: **which it was neither right nor constitutionally permissible**; 3. придаточным определительным предложением: **that I should assume the responsibility of making**.

В первом придаточном предложении, обсуждая предмет choices своего выступления автор использует инфинитив пассивной формы глагола: to be made, цель использования которой можно интерпретировать двояко. Во-первых, данная форма имеет значение запрограммированного будущего. Однако автор не намерен отложить надолго решение данного вопроса, через повтор-подхват (**and made immediately**) он дает понять конгрессменам обратное. Во-вторых, этим автор призывает своих слушателей к действию, тем самым разделяя свою ответственность за принимаемое решение вместе с

конгрессменами. Уместно напомнить слова Г. А. Брутяна, который главную или конечную цель аргументации видит в том, чтобы "посредством убеждения реципиента, одобрения им рассматриваемого доказанного тезиса и т.д. сделать не только своим единомышленником, но и соучастником *реализации* замысла, программы, эксплицитно или имплицитно содержащегося в тезисе аргументатора" [5, 87]. Очевидно, что два последних придаточных предложения служат именно этой цели, определяя и дополняя смысл первого придаточного предложения: второе причастие глагола **made** в первом предложении перекликается с герундивной формой того же глагола **making** в третьем предложении, создавая связь между необходимостью принять решение вообще и неизбежностью принять его **вместе и сиюминутно**.

Выражение причины вышеупомянутой "неизбежности" обеспечивается через отрицательную конструкцию **It was neither right nor constitutionally permissible**, что в сущности в грамматическом плане совершенно нейтрально, но в сочетании с конструкцией **that I should assume the responsibility of making** придает модальную окраску всему зачину благодаря смещению субъекта действия в конец предложения. В данном случае автор декларирует свои права с позиции аудитории, не только чтобы обеспечить дальнейшую поддержку с ее стороны, но и чтобы предотвратить "внутренний протест" против единоличного решения крайне серьезной проблемы, которое он как президент и верховный главнокомандующий по конституции обязан принять.

Итак, общее субъективное отношение автора в данном модальном зачине не проявляется в одноразовом употреблении какого-то средства, оно достигается путем группирования воедино средств психологического воздействия, эффективной аргументации, что в конечном счете выражается через лингвистические средства – выбор слов, конструкций и т.д., образуя модальное поле, к которому автор хочет привлечь внимание адресата.

Далее модальный зачин, прогнозируя авторское положительное или отрицательное отношение к описываемому факту обеспечивает развертывание модальности по всему тексту путем конкретизации модального значения. Прибегая к инстинкту самосохранения,

аргументирующий, путем употребления различных аргументов эмоционального характера, осуждает негуманную акцию, унесшую жизни людей и призывает к активным действиям, прибегая при этом к другому виду инстинкта – сохранению личных прав и свобод.

Можно предположить, что на дальнейший общий модальный фон ораторского текста главным образом влияет зачин. Авторская модальность выявляется в начальной части аргументативного дискурса и обеспечивает последующее декодирование адресатом передаваемой информации, содержащей семы положительной или отрицательной оценки. Однако четкая позитивная / негативная однонаправленность модального зачина – не единственный способ его организации. Встречаются случаи, когда в зачине одновременно чередуются единицы положительной и отрицательной оценки. В данном случае авторская модальность выражается однозначно в одном направлении: без колебаний в сторону "плюс" или "минус", что, естественно, представляет значительную трудность для ее изначального правильного декодирования адресатом, и, благодаря раскрытию дальнейших имплицативных значений, разбросанных по всему тексту, становится возможным выявить соответствие между изначальным и последующим *авторским отношением*.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976.
2. Багдасарян С. Б. Социальная природа и гносеологическая сущность риторики. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Ер.: 1971.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: 1979.
4. Белинский В. Г. Из статей, заметок, рецензий разных лет // В сб. Об ораторском искусстве. / Сост. А. В. Толмачев. – М.: 1973.
5. Брутян Г. А. Очерк теории аргументации. – Ереван.: Изд-во АН Армении, 1992.
6. Донскова О. А. Динамика модальности драматургического текста. // Сб. науч. тр. МГПИИЯ. – М.: МГПИИЯ, 1981. – Вып. 174.
7. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М.: 1966.
8. Сергеич П. Искусство речи на суде. М.: Юриздат. 1960.
9. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – Oxford University Press, 1995.